

Свящ. Константин Камышанов

РАССКАЗЫ

Священник КОНСТАНТИН КАМЫШАНОВ (род. в 1960 в Армавире) — иерей РПЦ, архитектор, писатель. До рукоположения работал архитектором, занимался реставрацией храмов и новым проектированием в исторической застройке. После рукоположения в 2009 году стал сотрудничать с издательством «Православие и мир», где публикуется до сих пор. Тема публикаций – осознание миссии и милосердия как основных признаков жизни христианина. Оставаясь священником, продолжил работу в качестве архитектора. По его проектам в Рязани построено или стоит одиннадцать новых храмов. Принимает активное участие в поисках архитектурным сообществом нового облика православного храма, входя в Гильдию храмоздателей и являясь членом жюри российских конкурсов, посвященных поиску новой храмовой архитектуры.

Икона русской земли

Я раньше не любил русскую весну. Она мне казалась похожей на человека, выздоравливающего от тяжёлой болезни. Земля весной лежит в проплешинах талой земли и покрыта серой ледяной коркой. Вода в реках грязная и нервная. И ветер болезненно стонет в берёзах и трубе.

С натугой приходит весна в начале мая, и то всего на одну неделю. Всего на одну неделю приходит настоящая весна, но так, чтобы очень быстро наступило скучное ветреное плаксивое русское лето. Да и не лето это.

Весна на Кавказе длинная. Наши майские дни стоят там почти два месяца. Два месяца тёплый мягкий ветер ласкает горы над Тбилиси. Висят радуги над расцветающими садами. Не спеша цветут деревья, и долго стоит прекрасная погода с тёплыми быстрыми дождями и лёгкими душистыми

ветрами. Южный ветер шевелит мягкими руками волосы травы, выпутывая оттуда пчёл и жуков. Солнце длинными пальцами перебирает морские волны, и море меняет цвет с серого на лазоревое. Солнечные звёзды играют на волнах днём, а ночью крупные звёзды спускаются к самым верхушкам деревьев. Чисто Пасха или небесный брачный пир, когда, уже ничего не та-ясь, земля ликует вместе с небом.

Русская природа удобнее к Рождеству. Полгода девственная снежная белизна скрывает грязь нашей земли. Господь день за днём перестилает новые белые скатерти, желая нам чистоты. Человек видит это, и среди этих пожеланий Бога и собственных трудов рождается русский характер. А чистота и труд — добрая рама картине Рождества.

Так, размышляя о нашей зиме, я вдруг понял и нашу весну и догадался, в чём её красота против красоты весны на Юге.

Первая красота в Свете, который несёт известие о Надежде.

Вторая красота — разлив.

Третья красота — майские дни, настоящее воскресение Земли. Хорошо, когда Пасха приходится на эти светлые дни и благодать кажется видимой.

Всё начинается со света. В начале марта вдруг открывается небо. До этого оно месяцами закрыто серой дерюгой рваных туч, из которой сыплется колючий снег. Под ней жётся сырой рванный ветер.

Солнце неожиданно рвёт будни. Тучи вдруг поднимаются вверх и растут перед огромным солнцем. Ризы земли начинают блистать так сильно, что на них уже невозможно смотреть. Снег пропитывается лимонными и лазоревыми тенями. Горят свечами белые берёзы.

Мощный свет проникает через глаза в самую душу. Душа наполняется светом. Закрываешь рукой глаза, а рука прозрачная и красная от солнца. Две недели солнце заглядывает во все укромные места земли. Проникает во все тёмные углы и будит заснувшие души. Две недели всё живое становится другим и светлым. И мы не узнаём ни себя, ни свой мир. Летом тоже бывают солнечные дни, но и тогда солнца не бывает так много, как над мартовским снегом. Летом слишком много других актёров и на рассвете, и в полдень. А в марте — только Солнце.

В это время в церкви служат: Канон Андрея Критского, Пассия и Мариино стояние. Эти службы, как ключики к замочку Пасхи. Они — родня Пасхе и светят её отражённым светом.

Архитектура всех этих служб примерно одна и та же и похожа на архитектуру весны. То же первоначальное погружение в мрак и то же неожиданное финальное вступление солнца и света.

Сначала минорные пение и чтение в храме, постепенно погружаемом в темноту. Народ всё глубже и глубже погружается в море покаяния и даже отчаяния. А храм тонет в густеющих сумерках. И только звёзды свечей

не дают мраку утопить нас в себе. Как вдруг из темноты вырастает светлый радостный росток Великого повечерия или Проповедь Пасии.

Проповедь Пасии, по Уставу, обязана своей радостью и светом надежды заменить долгое Повечерие. Поэтому она должна быть как мартовское солнце, вдруг взорвавшееся пламенем весенней радости, — редкой гостью наших служб.

У нас в церкви больше любят не радость, а смерть. На службах иногда любят и не могут отвести заворожённый взгляд от лица смертного ангела, словно православные боятся смерти больше, чем безбожники. Нехристи думают просто умереть и исчезнуть, а среди наших есть много таких, кто надеется не только пройти страшные врата смерти, но непременно попасть в адские глубины.

Считается моветоном думать о Рае и о своём спасении. Даже сложилась некая субкультура слёзного пения и досаждения Богу стенаниями.

Но задумаемся, нужно ли Ему это?

Вот, у отца есть дети. Он всех любит. Но один из них не верит в милосердие отца и всё время ноет и плачет и тянет за бороду, требуя вмешательства

Пункт наблюдения за благодатью, или Шляпа священника

и внимания. Терпеливый родитель принимает и такого зануду, но мечтает о весёлом и радостном сыне.

Если бы Богу угодно было нитьё, то и мир бы лежал в сером дождливом мраке. Но природа говорит об обратном. Её лучшие дни — это торжество света, которому внимают благодарные звери и травы.

В свои лучшие дни природа поёт о том, что мир полон света, в лучах которого растворяется зимний мрак. Сами тени становятся другими. Они теперь несут не часть мрака, а часть света. Тени на снегу становятся цветными: розовыми, голубыми и оранжевыми. Мрак меняет свой вид и сам преобразуется в кусок мозаики общей радости.

Другая, не плаксивая, а радостная церковь к этому времени Света приурочила память Григория Паламы. После сокрушения первой недели Великого поста, после служб в полутёмных церквях, после слов: «Что спишь, душа моя?» — Церковь предлагает размышления Паламы о благодати и тонком свете, роднящем нас с Богом. Душе предлагается увидеть в себе Солнце. И душа просыпается среди безвидной земли греха и забот. Церковь впускает весну в душу и солнце; и Бог, как огромное Солнце, входит в сад нашей души и прохаживается там.

Третья неделя поста — это как шаг Бога навстречу. Господь встречает человека и говорит ему:

— Вот Он Я! Встань.

Бог, как Солнце, встаёт над изумлённой землёй, светит душе невообразимо ярко, как мартовское солнце, всего одну неделю. Но этого света хватает на весь год.

Вряд ли те, кто придумывали архитектуру Великого Поста, учитывали особенности русского марта. Но попали так, что лучше нельзя. Небо и земля, птицы и люди соединились в один огромный хор и Великую службу в стенах вселенского храма.

В это время в высокое ослепительное небо возвращаются первые птицы. Малые орлы парят и осматривают открывшуюся землю. Кувыркаются в вышине вороны. И наши души — как эти птицы.

На иконах есть золотой ассист пробелов. А на нашей земле есть сверкающий ассист весенних ручьёв, ленты золотых рек и золото сухих полей, открывшихся от снега. Эти сухие белёдые поля — как золотой фон русской земли. В эти земляные трещины пробивается божественный свет оттуда, что лежит под бытием. К Пасхе наши богомольные старухи протирают иконы и чистят золото на них. Март, как эти заботливые женщины обновляет золото нашей земли.

Русская весна в своей первой красоте напоминает о том, что все мы иконы. А сам мир — самая большая икона или зеркало Бога.

Богу так нравится.

Колокол небес

Бьётся язык солнца в небесный колокол. Гудит земля под ударами света. Ударит в реку, и брызнут искры. Ударит в глаза — сердце вздрогнет. Налетел ветер, напёр грудью, растрепал волосы, смеётся и спрашивает:

— Вернулся?

Автомобиль уткнулся мордой в траву на хребте горы и тут же уснул. Я стал среди травы. Глянул с горы на реку и небо и выдохнул:

— Вернулся.

Эти горы над рекой Окой мне знакомы. Когда стоишь на их спине, то голова касается небосвода, а ноги выше горизонта. И как в настоящих горах кажется, что ты летишь. А леса за Окой тянутся на тысячи километров до Урала, а за ним и нет края.

Кажется важным, чтобы моя страна была большой, как мир.

Я не один на горе. Ласточка брызгает в высоте серповидными крыльями. Ниже ласточки звенит жаворонок. В траве свистят перепёлки и снуёт птичья братия. Летят и ползут жуки. Вдыхает трава зелёной грудью. Шумят между собой большие деревья и качают головами. Скользят белыми горами летние облака. Огромное тугое и лоснящееся тело реки стремится за горизонт. Все заняты делом.

Мне казалось, что в моём доме, в моём городе, в моём храме и у меня в душе сходятся силы небесные. Что там открываются дверки миров и мысли ходят туда и оттуда. И я слышу их мысли, и они влияют на меня. Кажется, вся жизнь только в городе и в храме. А вне их стен жизни как бы и нет. И всё, что не город и не храм, кажется мёртвым и бездушным.

Трава в городе кажется мёртвой, деревья бессловесными, а птицы не живей ёлочных игрушек. По городской земле бегают немые коты и собаки и прячутся от людей, как бездельники. А истерзанные городские реки — это просто грязная и мёртвая вода.

Но вот я встал над зелёной горой далеко за городом и всё вдруг ожило. Словно включили звук, не слышный глухому городу. Вдруг все фрагменты небесной машины встали на свои места, и она ожила, заскрежетала, закурились колёсики её механизма. Покатилось солнце по своему пути, благовествуя светом, ожила река, подали голос трава и птицы. Вздохнула полной грудью Земля. Вечер покрыл луга ладаном тумана.

И словно все они меня ждали. Ждали, когда хоть кто-то откроет глаза и услышит их речь. Они привыкли к тому, что:

На реке рыбаки, но они не слышат речь реки.

На дороге автомобили, а в них люди не слышат землю и не смотрят на птиц.

Не слышат, как их зовут их братья вернуться к тому, что больше работы и жизни.

Земле не привыкать, что её не слышат. У людей песни железа. Люди вышли из этой поющей сферы. Деревья шумят нам, птицы заглядывают нам в лица, пытаюсь узнать, слышим ли мы Голос, который слышат они?

Нет. Люди не слышат.

И они отлетают ввысь, и боятся нас как предателей.

На этой горе происходит узнавание и разочарование. Мне кажется, что я вот-вот пойму язык птиц. Что вот-вот пойму вздох Земли и голос Солнца. Как во сне, когда ангел протянет руку или святые обнимут, но вдруг проснёшься... Некоторое время еще помнишь мелодию той песни, что пели вместе. А днём всё забудешь.

Кто-то зовёт меня. Моё место среди травы, птиц, зверей, реки и солнца. Но не пахать, не рыбалить и не рыть фундаменты.

Другое.

Проекция рая

Сестра Кошка

Жили две кошки весело и счастливо. Спали вповалку, вылизывали друг друга и играли. А ночью приходили в кроватку к людям и спали одна в головах, другая — в ногах.

Когда мы уезжали, им тоже было не скучно. Они толковали про свои кошачьи дела.

Кошка Тэля знала в совершенстве всеобщий язык. И сама разговаривала. Могла объяснить, а мы могли понять. Она научила нас понимать зверей. А мы, если что, могли и прощения у неё попросить.

Когда уходили из дома, прощались с ней:

— Пока, Тэль!

Поэтому была она ещё Покатэлем. Хорошо жили. Она нам песни пела:

Вилы-грабли сено брали
Вилиграблисенобрали

и была вместо балалайки.

Когда читали сказки или песни пели, она дремала рядом, и только острое кошачье ухо следило за шорохами. Свертит бублики из лап, наклонит голову и греет нам бока.

Важней всего для кошки был вопрос: не разлюбили ли её? всё также любят? Заглядывает тревожно в лицо, испытывает взглядом. А когда убедится, что не разлюбили, то вздохнёт, устало закроет глаза и станет спать.

Придётся домой, душа — дерево, сердце — камень, а там кошка пристаёт: гладь её и возьми на руки. Неохота, а возмёмшь. И сердце оттаивает. Умеют кошки мягкой лапой открывать дверку сердца.

Вдруг сделалась война. Старшая рвёт младшую, а молодая садится на попу, опускает лапы, закрывает со страху глаза и писает на пол. И летят клочья шерсти с кровью.

Пришлось отнести старшую к деду. Дед любит порядок, но не любит кошек. А она кошка добрая: порядок знает, всё у неё по правилам. Умрёт, а порядок не нарушит. Хоть и взята из подвала, но чисто деревенская аристократка.

Дед всю жизнь не подпускал к себе кошек. Сунули ему кошку, а он страдает. Она к нему ласкаться и песни петь, а он её ногой. Нам жалко всех их, а что сделаешь.

Я понимаю кошку. Жила, верно служила, любила. Дочка у неё была всегда вместо котёнка. А кошка для дочки — сестра. И фамилия у кошки, как у нас, — Камышанова. Настоящих котят родила, одного лучше другого. Умницы котята и красавцы. За что такая казнь? Почему вместо любви тюрьма. За что?

Пришла мама и говорит:

— Стала ей давать корму, а она вошла в миску с ногами и морду опустила в банку с водой. Взяла на руки, а она засыпает и ноги трясутся. Слепла наша сестра-кошка. Слеп любимый маленький человек Тэля. Наверное, она помирает.

Расстроились мы. А кошку взять обратно всё равно не можем. Придём в гости к деду и по очереди держим Тэлю на руках. А она сослепу тычется и узнаёт запах знакомых рук и мурчит. Но мурчание надтреснутое и глухое.

Жалко, а боимся нести обратно. Молодая кошка учуяла слабость и теперь сама хочет порвать старшую сестру. И так жалко в последние минуты оставлять умирающую животину в тюрьме с таким же несчастным и больным дедом. стыдно и жалко.

Снится мне сон. Взяли мы кошку обратно. Пришла она ко мне и лижет руки. А я ей ушки мну. Вдруг — раз, и превратилась она в годовалого мальчика. Сидит в зелёной клетчатой рубашечке, и смеётся, и смеётся, как могут только маленькие дети, полные счастливой беззаботности. Я знаю, что это радуется он избавлению и свободе.

А сидим мы под виноградным навесом. Так сидят на летней кухне в жаркий день на моей родной Кубани. А сквозь листья навеса брызгает солнце. Его пятна кружатся, несутся вокруг нас, играют на наших лицах. И так нам хорошо, так счастливо. Зажмуривается «мальчик» от солнца и всплескивает руками: радостно и вольно. И стал я догадываться — умирает наша кошка, и душа её в солнечных бликах. И гортензии вокруг нас — огромными разноцветными шарами. И они пахнут ладаном.

Так вот как Бог встречает зверей!

Взяли опять ослабевшую кошку обратно домой, а у неё нет сил радоваться. Слепшими глазами не видит нас. Только руки нюхает и тихо прижимается. Дрожит и всё пытается встать и уползти. Легли с кошкой рядом и греем её.

Мы попросили Бога оставить нам Тэлю хоть ненадолго. Оставил.

Осталась, но полностью ослепла. Сначала натыкалась на углы и залезла в батарею. Потом освоилась и бегала резво по комнатам мимо углов, но не могла спрыгнуть с табуретки. Скоро научилась не только прыгать со стульев, но запрыгивать на кухонный стол и воровать колбасу. Она построила у себя в голове 3D-модель комнаты и бегала по маршрутам внутреннего компьютера. И всё, казалось бы, наладилось.

Но вот пришёл сентябрь. Кошка стала мёрзнуть. Перестала есть и притихла. Судороги в течение 15 минут рвали связь её души с миром. И она, наконец, застыла с открытыми слепыми глазами. Кончилась наша маленькая эпоха, в которую вошло всё детство ребёнка.

Нет, не грустно. Хорошо. Хорошо, как в саду, когда облетели листья, но ещё остались на ветвях редкие яблоки. В саду тихо и спокойно, и щёки горят от свежего воздуха. Сад благоухает яблоневым ладаном и костром и дым уносится к таким же синим облакам.

Сон об умершей кошке

Дочери приснилась умершая кошка:

— Тэля вдруг вспрыгнула мне на руки, а мы идём по Воронцовскому парку в Крыму. И вдруг поляна с видом на гору Ай-Петри стала расширяться. Деревья стали больше и пышнее, а трава ярче. Вдруг из-под земли поднялись огромные цветы, а солнце пропало. И весь воздух стал светиться мощным ровным светом. Прилетели диковинные птицы и запели невообразимые песни.

Так вот ты какой рай для зверей!!!

А я ей говорю, что прочёл недавно роман Анны Борисовой «Там». Написано вульгарно, но смысл хороший. Начинается с того, что в аэропорту в кафе сидят люди. Англичанин и его подопечный — кавказский террорист

с бомбой, дама полусвета, бармен и милиционер с собакой. И террорист взрывает кафе. Все умирают и тут же оживают в новом теле.

Кавказец попал в чистую и полутёмную комнату с видом на фонтан с гуриями. Он видит тонкий золотой мост, по которому праведники идут в Рай. А ему в тесную тёмную келью Джебраил приносит раз в день кувшин воды и один персик.

Англичанин, подучивший террориста, всю жизнь умирал от абсурда. И Господь даёт ему стать Ничто, раствориться без остатка во мраке.

Дама полусвета оказывается католичкой. Она вдруг возникает посреди форума. Среди зрителей её мать, которая теперь видит все грехи дочери и закрывает лицо ладонями. Дочь, рыдая, отталкивает блудного беса и, рыдая перед народом, обретает чистоту и успокоение.

Милиционеру Господь говорит:

— Садись, Серёга, за верную службу по правую руку от Меня.

А сторожевой собаке возвращают ангельский служебный чин охраны неба и она, наполняясь радостью, летает, как птица.

А бармен оказывается живым зондом инопланетян. После смерти его встречают члены экипажа станции, висящей над землёй. Они следят, чтобы наша цивилизация не пропала и помогают нам. Раньше они посылали людей-зондов и не выключали память о том, что они стерегущие ангелы. Но вот решили выключить память, чтобы зонд не прокалывался. Из командировки его встречают друзья-навигаторы и любимая.

Вся книга о том, кто мы есть на самом деле. И том, что на самом деле мы — дети неба. А небо — наш настоящий дом. И где-то в глубине души мы помним о Рае. Эта память у нас со зверями и цветами одна на всех.

Диалог с русской Землёй

Рай Господень был полон цветами, зверьми и ручьями. Крокодил был кем-то другим. Кем-то был лев, кошка, комар и соловей.

Мы обязательно туда вернёмся.

Я бы хотел, по своей простоте, — строить храмы, дома, где мы бы хвалили Господа тогда, когда Он ушёл погулять. А ещё бы мастерил келейки для новопреставленных. Пусть живут в домиках моей архитектуры.

А ещё мне бы Рай виделся моими родными предгорьями. Шикарные тучные степи переходят в горы. В степях гуляешь по будням. А в горы ходишь по праздникам на молитву и на прохладу.

А жить бы я хотел при горной реке с запахом самшита.

Может быть, горы и степь мне кажутся раем оттого, что там прошло моё детство, а жить пришлось среди Мещерских болот. Не знаю.

Всю жизнь мы меняемся. Были детьми и не хотели расти. Стали молодёжью. И так было хорошо, что тоже не хотелось взрослеть. А взрослая жизнь казалась тихим ужасом сорокалетних стариков. Стало за пятьдесят, смерть приблизилась и смотрит в лицо. Неохота снова изменяться.

Когда был молодым, на детство смотрел с пренебрежением. Когда стало пятьдесят, молодость увиделась котлом страстей и временем глупых поступков. И может быть, после смерти наша жизнь, за которую мы цепляемся, покажется не такой хорошей. И может быть, мы тогда ни за что не согласимся вернуться на землю.

Голос неба не даёт покоя ни в детстве ни в старости. С возрастом всё больше тянет в родные места. Скучаю по Кубани. Как только приеду домой, то пойду под гору на Кубань. Опущу ладони в бурную реку, и мне легче и вольнее. Кажется, что в её волнах какая-то забытая и потерянная сладость, утоляющая страх и боль. На минуту смерть отступает или вовсе забывается.

Но у меня стали появляться подозрения, что смерть имеет какой-то странный обезболивающий аромат. Я, кажется, узнал, что смерть не так уж страшна. В её голосе всё слышней завораживающие слова песен, доносящихся из-за полуоткрытой двери мира, откуда возврата нет.

Мне тоже приснилась моя умершая кошка. Я не страдаю от этого. Мне хорошо от того, что я стал догадываться, что там не плохо.

Кошка умела любить. А за это, я уверен, Бог ей дал право быть личностью, которая не умирает. Она во сне приходит ко мне, и мы смеёмся, как люди. Мне кажется, что Бог дал ей право ходить после смерти ко мне в гости не просто так. Это свидетельство от Бога о том, что всё будет хорошо. Кто любит, тому смерть не страшна, будь он хоть даже кошкой. А уж про человека и говорить нечего.

Филиппова дудка соловья

Каждый год к нашему дому прилетает соловей. И каждый год я удивляюсь тому, что эта птица способна волновать нас, как симфонический оркестр. Маленькая птица, наверное, и не думает о том, что её пение так трогает людей. Ей невдомёк, что люди думают о её песне, как о музыке.

Когда я учился в институте, нам преподавали марксистскую философию. Молодая тётенька-философ объясняла, что и музыка, и живопись, и колориты, и все на свете искусства подсознательно отсылают человека к природе, среди которой человеку тысячелетиями было комфортно. Этот комфорт подсознательно воспринимается как красота — обещание блага и удобства. Она говорила, что нет красоты как Абсолюта. Это только наша психика воспринимает некий телесный и душевный комфорт и задаёт ему статус канона или эталона.

Мало того, — чуть позже я узнал, что есть психоаналитики, утверждающие, что представление о Боге или дьяволе — это тоже только наши подсудные страхи, материализующиеся в образах.

Недостаток обоих утверждений — в принципе: «человек — мера вещей». Но нельзя бесконечную Вселенную втиснуть в рамки человеческого мозга ёмкостью всего 100 терабайт.

Мы живём в мире, который больше нас. И странно думать, что, живя в нём, мы не затрагиваем своими поступками струны вселенной, и что вселенная не думает о нас.

Соловей поёт и не думает ни о нас, ни об этих струнах. Мы поём и тоже, как соловей, не думаем ни об ангелах, ни о струнах, ни о слушающем нас Боге. Но Бог думает о всех нас и старается нам напомнить о себе даже через Своего верного слугу — соловья.

Бог, посылая соловья петь, рассчитывает на нас и на наш слух. Ведь мы созданы по Его образу любви, мысли и чувства. Значит, мы в состоянии понимать слова Бога, предаваемые нам косвенно через Его младших сыновей — зверей и птиц. На своём странном языке они говорят нам, между прочим, и о Боге.

Тётенька-философ сказала бы, что нет никакого «между прочим», и что песня соловья — это недоразвитая симфония. А симфония — это разбитая брачная песня человека или высвобождение спящего эроса предков.

Но все, кто умеет слушать музыку, могут услышать в пении соловья прелюдию, начало, развитие темы и финал, а также вариации и контрапункт, которые с утилитарной точки зрения абсолютно не нужны ни соловьяхе, ни самому соловью. Это и есть то «между прочим», которое наводит на некоторые вопросы.

Как так оказывается, что песня птицы выстроена логически? Откуда соловей имеет представление о композиции в музыке?

Одно из двух. Либо птица знает Бога и гармонию, либо она служит Божиим почтальоном, разносящим письма, которые сама читать не умеет. Для того, чтобы прочесть их, мы должны понимать их язык. Язык же будет ясен только тогда, когда мы узнаем, кто они — эти звери и птицы. А понять их можно только

посмотрев так, как смотрит на них Бог. Только Бог даёт ключи к языкам мира. В Нём наше единство.

Бог людей, Он и Бог птиц. И они Его знают и знают Его голос. Он им Отец и жалеет их, дарует малыми талантами и связывает всех нас вместе.

В «Цветочках Франциска Ассизского» есть история, как святой, понимая эту связь, проповедовал птицам, и они, собранные в подвижные облака, в знак понимания образовали над ним живой летучий крест.

Мы точно имеем нечто «музыкальное», общее со всем живым на земле.

Как-то на заре юности мы встречали Пасху в одном старообрядческом селе. Тогда была ещё советская власть и храмы стояли закрытыми. Добрые христиане пели Пасху по «моленным» избам. А мы шатались по ночи от одной такой избы к другой и подпевали. Ходили на кладбище и там голосили молитвы. Пели среди тёмного леса. Пели на дорогах. Одно слово — баловали и играли в пасхальную ночь.

Вышли к болоту, гремящему тысячью лягушек. Товарищ принимал водку, а мы — нет. Ждали утра и разговения. Говорю ему:

— Зря ты так. Бог близко.

— Как знаешь?

— Давай крикни: «Лягушки, замолчите!!!». Кричи три раза.

Товарищ весело прокричал, пугая спящих лесных птиц. Лягушкам ни почём.

— А теперь смотри, как я буду.

И кричу сам:

— Братья и сестры, лягушки: Христос воскрес!

И наступила тишина. Я сам испугался. Может быть, и случайность, но я был уверен, что нет. Вот и думай, что хочешь.

Товарищ как-то сразу протрезвел.

Песня соловья, кроме прочего, тревожит и тем, что мы забыли о своих братьях в Боге — о животных. Все, у кого в доме жили животные, знают, что животные —

Ной впускает птиц по паре в ковчег.
Мозаика. Венеция, Собор Святого Марка, XI в.
(Южный свод, западная сторона, нижний регистр)

личности. У них характеры. Они умеют любить и страдать. Печалиться и радоваться. Гамма их чувств очень разнообразна и, главное, близка человеку. Если они чем-то и виноваты, так только тем, что мал умишко. Но это не повод убивать их и есть. Не повод бить и обижать и сгонять с лица земли. Как-то нехорошо мы относимся к этим братьям, которые, как и мы, знают Бога и музыку.

Рано или поздно наступит такой день, когда убийство животных будет признано преступлением.

А сейчас какой-то сбой души выключает наше сердце и ум, и мы допускаем их смерть ради сумочек, ботинок и котлет. Тонкие и развитые люди пренебрегают слезами, болью и жизнью тех, кто слабее. Какое странное точечное помрачение сознания. И странное отключение сочувствия. Мы умеем понимать тонкую музыку и стихи и при этом не понимаем чужую боль и личность.

Но вот филиппова дудка заставляет задуматься об этом пороке людей:

«Как уже говорилось, песня соловья начинается с запевки. Называется она почином. Начинается почин с тихого цикающего, или даже дребезжащего звука, за которым следует сильный флейтовый слог. Особенно красиво звучащий почин называют приёмом. Это его высшая форма. Именно он в своё время прославил знаменитых курских соловьёв. Но даже у них приёмы были разные, а особенно примечателен так называемый „курский трескоток“, служивший своего рода визитной карточкой этих птиц.

После почина следуют свисты. Разновидностей свистов очень много, значительная часть их объединена в группы, а названия они носят в основном звукоподражательные: визговой свист (вив-вив), липушка (лип-лип), ивлев свист (ив-ив), волчковый (уйть-уйть, назван так за сходство с криком поползня, которого в старину называли волчком), губовые свисты (пониже тоном).

После свистов в песне соловья звучат дудки, хотя различить их сложно, по существу это более низкие свисты. Хотя передние дудки в начале песни почти точно попадают тоном в свист

Наверное, многим, кто вслушивался в пение соловья, приходилось слышать хлыстовую водопойную дудку (у-пив, у-пив). Соловей как бы глухо и протяжно произносит „ууу“ (на грани с „ю“), а потом резко обрывает звонким «пив». В конце материала Вы услышите её звучание. На самом деле водопойных дудок очень много (серебряная, двойная, редкая и др.), часто они граничат со звучанием других колен.

С водопойных дудок, а чаще замещаая их, соловей переходит на трелевые и луговые дудки. Это самые сложные колена, делающие честь соловью как непревзойдённому певцу, ни одна другая птица не в состоянии

повторить их. Для разных районов обитания характерны разные дудки. Назовём здесь филиппову, кириллову, белковую дудки, клыканье, которое часто выделялось в отдельное колено.

Особенно редкими, а потому и ценными, являются такие колена, как лешева, воронова, голубковая дудки и кукушкин перелёт (звук схожий с голосом кукушки в полёте). Они обычно произносятся в середине песни и служат её вершиной. Все эти народные названия удивительно точно характеризуют звучание колен.

Вместе с ними в центральной части песни соловьём произносятся помарки и мелоча. Это различные трели, чоканья и т. п. «второсортные» звуки. Может показаться, что эти звуки являются браком, но именно они придают пению каждого соловья то неповторимое звучание, за которое мы так любим и ценим эту птицу»¹.

Ассист на иконе говорит об ином, скрытом смысле вещей. А песня соловья, как ассист пейзажа, говорит о том, что лежит под поверхностью видимых вещей и прорывается в минуту вдохновения.

Когда утка плывёт по озеру, она оставляет красивый волновой след, который можно воспринять как видимую математику. Но утка ничего не знает о математике своего следа. Когда поёт соловей, он тоже трогает невидимые струны Божией арфы, о которой тоже ничего не знает. Но мы-то всё видим и всё слышим.

И это что-то гораздо большее, чем тот первобытный комфорт, о котором говорил преподаватель марксистской эстетики.

Что-то гораздо большее скрывается за брачной песней соловья.

Что-то большее лежит в их песнях.

Что-то важное трогается в душе, когда птица доверяет тебе и садится на руку. В это время мы нечто припоминаем, припоминаем и никак не можем вспомнить. Но Бог, как регент хору, даёт нам верную ноту, которую мы можем слышать от того, кто с Богом не раздружил, — от соловья.

Сначала слушаешь соловья и радуешься. Потом устаёшь. Затем замечаешь комаров, хлопаешь себя по лбу и расстраиваешься. Устав слушать, засыпаешь. Спишь, а соловьи уже мешают спать. Так и душа. В детстве мы умеем слушать соловья, ветер и реку. А повзрослев, глухнем и слепнем душой. Из этого сна нас выводит Бог и святые.

Святой Порфирий Кавсокалит:

«Однажды утром я один пошёл в девственный лес. Всё было в утренней росе, сверкало на солнце. Я оказался в ущелье, перешёл на другую сторону и сел на скале. Неподальку ручей тихо нёс свои холодные воды, а я творил молитву.

¹ Цит. по: <http://ohotagolos.ru/index.php/o-iinep/136-po-maton-jionivolos-insep>

Стояла полная тишина, не было слышно ни шороха. Скоро в тишине я услышал сладкий, упоительный голос, прославляющий, воспевающий Творца. Я посмотрел вокруг, однако ничего не увидел. Наконец, напротив себя на одной из веток различил микроскопическую, как мне показалось, птичку. Это был... соловей! <...>

Я не могу передать вам то, что чувствовал тогда. Но я открыл вам тайну. Думал тогда: „Почему такой маленький соловейчик выдаёт такие трели? Почему так заливается? Почему поёт такую прекрасную песню? Почему, почему, почему? Почему он так надрывается? Почему, ради чего? Может быть, ожидает чьей-то похвалы? Конечно нет, там никто его не похвалит“. <...>

Кто слышал, как он надрывался? Почему он прилетел в такие удалённые места? А те соловьи в зарослях кустарника, в овраге, которые поют днём и ночью, утром и вечером; кто слышит, как они разрываются? Почему они это делают? Почему они прилетали в такие удалённые места? Зачем надрывали свои связки? Цель – служба, пение своему Творцу, служение Богу». Я так объяснил это.

Всех птиц я видел ангелами Божиими, славящими Бога, Творца всяческих, которых не слышал никто. Да, они прятались, чтобы их никто не слышал, поверьте мне! Их не интересовало, слышали ли их, но они стремились к уединению, к тишине, в пустыню. Кто их услышит в тишине? Только Творец всяческих, Создатель всего, Тот, Кто даровал им и жизнь, и дыхание, и голос. Вы спросите: „Разве у них есть ум?“ Что на это сказать? <...>

Бог может нам показать, что все они – ангелы Божии. Мы этого не знаем. Они всегда скрывались, чтобы никто не слышал их славословия»².

Наша оглохшая душа ищет и тоскует по этой забытой филипповой дудке соловья. И один раз в году она повторяется специально для нас. Услышим ли мы её?

² Цит. по: <http://www.isihazm.ru/?id=774>